

Виктор Казаков

Сметая архивную

ПЫЛЬ

Виктор Казаков

Сметая архивную пыль (сборник)

«Книга-Сэфер»

2015

Казаков В.

Сметая архивную пыль (сборник) / В. Казаков — «Книга-Сэфер»,
2015

В книге «Сметая архивную пыль» В. Казаков «изменил» себе – на этот раз это не традиционная проза, а документальные произведения – цикл очерков, написанных в результате работы автора в одном из государственных архивов. В книге – рассказы о Шаляпине, поручике-декабристе Сухинове, большой очерк-исследование «Кто убил Котовского?», читателям понравятся и «Бабушки милосердия».

Содержание

Предисловие	6
Аплодисменты Шаляпину	8
Мятежный поручик	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Виктор Казаков

Сметая архивную пыль

© Виктор Казаков, 2015

© Издательство «Книга-Сефер»

* * *

Светлой памяти Инны Иосафовны Терехиной посвящаю

Предисловие

С чего началась моя любовь к архивам?

Вспомнились сейчас две незначительные фразы, однажды услышанные в разных кабинетах, но имевших к тому делу, о котором пойдет ниже речь, прямое отношение.

Инна Иосафовна Терехина, ответственный сотрудник Молдавского республиканского архива, когда я, во время очередного посещения архива, к слову упомянул фамилию одного офицера молдавского КГБ, развела руками:

– Капитан Деревянкин? (она добавила имя-отчество, но я их не запомнил). Ну, как же, хорошо знаю его!

Вторая фраза по содержанию была еще незначительнее, была скорее ритуальной и запомнилась только потому, что сказана была Васей Платоном, начальником Терехиной, директором того архива:

– Ну, здорово, здорово, Казаков. Давно не виделись...

Не виделись мы лет двадцать.

Весной 1953 года, незадолго до выпуска из Кишиневского университета, нас троих, Юру Черниченко, Васю Платона и меня, вызвали в республиканский КГБ – к капитану Деревянкину. Пришли мы вовремя, в узком темноватом коридоре молча сели на лавочку. К тому времени уже обученные и убежденные марксисты-ленинцы, верные сторонники советской власти, сидим, не опасаясь неприятных неожиданностей, впрочем, догадываемся, о чем, когда откроются двери кабинета, с нами затеет разговор капитан Деревянкин. На улицах Кишинева я уже видел знакомых ребят, на год-два раньше нас закончивших университет, в военной форме с лейтенантскими погонами.

Догадка подтвердилась: капитан Деревянкин предложил нам службу в своем ведомстве.

– В комиссию по распределению на работу мы пришлем на вас заявки.

Ведомство, где служил Деревянкин, как известно, умело настаивать на своем, но по отношению к нам тогда проявило некоторую демократичность.

– Конечно, – не очень охотно говорил, обращаясь к нам, Деревянкин, – все будет зависеть от ваших желаний.

Желания наши не совпадали, о чем мы тут же и доложили. Деревянкин подписал пропуска «на выход», но через несколько дней опять вызвал... Вызывал он нас раз пять и, в конце концов, уговорил только Васю.

Прошли годы. Юрий Черниченко становился все более известным в стране писателем, жил и работал в Москве, я ко времени, о котором пойдет ниже речь, – заведующий отделом недавно открытой газеты «Вечерний Кишинев», а Василий Платон... получив университетский диплом, Вася, в результате тех бесед с капитаном Деревянкиным, стал работать в архивах. Эти учреждения тогда находились в ведомстве госбезопасности, но с годами были «расконвоированы» и переданы гражданским властям. И через двадцать лет, когда мы снова встретились, Василий Платон уже был директором Молдавского республиканского архива. В его власти было несколько этажей огромного нового здания, заселенного всякого рода документами.

К этим документам мне суждено было прикоснуться.

Коллектив «первого призыва» «Вечернего Кишинева» был на редкость честолюбивым. С первых номеров газеты мы изо всех сил старались стать самыми интересными журналистами в республике, для этого все время придумывали что-то, как нам казалось, сверхяркое по форме и сверхглубокое по содержанию.

Я тогда решил написать серию очерков о прошлом Молдавии – на основе архивных документов. Уже придумал рубрику – «Сметая архивную пыль»... Воображал: приду в архив, увижу

кучи древних документов, сдую с них пыль и под серым слоем прочту нечто никому доселе не известное...

И вот стою перед дверью с табличкой: «Директор В. П. Платон».

– ...Ну, здорово, здорово... Давно не виделись.

Рассказываю Васе о своем замысле. Платон соглашается, что замысел замечателен, и, не теряя времени на сентиментальные воспоминания, провожает меня в небольшую комнатку, где сидят три сотрудницы архива – Инна Иосафовна, Неля Петровна и Полина Ивановна. Терехина тут старшая.

Так началось мое вхождение в архив...

Может быть, посетители некоторых архивов когда-то и работали так, как вначале представлял себе я – рылись в залежах бумаг, сдували с них пыль. Мне, сразу признаюсь, ничего этого делать не пришлось. Ко времени, когда я пришел в уважаемое учреждение, его научными сотрудниками здесь уже было *обработано* такое количество интересных документов (они были аккуратно подшиты в папки, занесены в реестры, положены в соответствующие *фонды*), что мне оставалось только прислушиваться к советам: «Посмотрите вот это... Какой замечательный характер... А это про Шаляпина вы знали? А вот – донесения пограничников 22-го июня сорок первого...» Что же касается пыли... Над первым очерком, написанным по документам архива, я поставил уже полюбившуюся мне рубрику. Когда, после публикации, я в очередной раз предстал пред глазами вышеупомянутой троицы, вся троица долго весело смеялась. Отсмеявшись, Терехина взяла меня за руку и повела, как она объявила соратницам, «сметать архивную пыль».

Мы стали спускаться по лестнице. На каждом этаже и в специальных хранилищах Инна Иосафовна подводила меня к висевшим на стенах приборам, которые контролировали температуру, влажность, еще что-то. В подвале многоэтажного здания специальные машины вырабатывали нужный документам климат!

Когда мы с Терехиной вернулись в кабинет и я публично покаялся в преждевременной неудачной выдумке, неожиданно для меня все трое в один голос заявили: никаких «Из истории» или там, что еще скучнее, «По следам минувшего»... «Пыли у нас, конечно, быть не может, но «Сметая архивную пыль» нам нравится!»

Женская логика...

И я рубрику оставил.

Аплодисменты Шаляпину

Его уже знали и любили во всем мире...

В январе 1930 года Шаляпин по приглашению местного оперного театра приехал в Бухарест. О том, каким это было событием для румынской столицы, можно судить, например, по сообщению от 25 января корреспондента кишиневской газеты «Голос Бессарабии»: «Сегодня утром к театру «Эфория» собралась громадная толпа, которая хотела попасть на генеральную репетицию «Бориса Годунова» с участием Шаляпина... Дирекции театра пришлось вызвать жандармов, чтобы рассеять толпу, но бухарестские театралы не успокоились и до прибытия жандармов выставили двери в зал театра и потоком хлынули в зал, который вскоре был занят до последнего места».

А через несколько дней в кишиневских газетах появилось маловероятное, еще никем не подтвержденное, но уже всех взволновавшее известие: Шаляпин, кажется, собирается выступить и в их провинциальном городе – в театре «Одеон»!

Журналисты, разжигая страсти, соревновались в оперативности и правдивости написанных ими строк о Шаляпине. «Наша речь» объявила: ложные слухи о приезде певца распространяет дирекция «Одеона», «в данном случае мы имеем дело с аферой». А «Голос Бессарабии», напротив, утверждал: «Дирекция театра «Одеон» в беседе с нашим сотрудником категорически опровергла сообщение «Нашей речи» и заявила, что концерт состоится»...

В «Одеон» между тем уже поступали заявки на билеты. В подшивках старых номеров «Голоса Бессарабии», хранящихся сейчас в республиканском архиве, можно прочитать, например, о том, что от жителей Оргеева касса театра получила задаток в две тысячи лей. «На наш вопрос, была ли выдана квитанция, нам ответили, что никакой квитанции касса «Одеона» не выдала. Уплативший деньги получил лишь на клочке бумаги за чьей-то неразборчивой подписью заметку, что принят задаток за четыре билета на концерт Шаляпина в сумме две тысячи лей». И далее: «Мы не можем не подчеркнуть, что система приема задаточных денег... на концерт, дата которого даже не установлена... неминуемо должна привести к спекуляции и злоупотреблению».

Сотрудник той же газеты смог в Бухаресте взять интервью у Шаляпина. На вопрос, правда ли, что знаменитый артист собирается дать концерт и в Кишиневе, «Шаляпин ответил утвердительно, прибавив, что он с удовольствием приедет в Кишинев, где он тридцать лет тому назад дал один концерт. Он имел предложения и в другие города, но оказал предпочтение Кишиневу».

Газетчики теперь не упускали из вида ни одного шага певца...

В Бухаресте в те дни гастролировал известный немецкий актер Александр Моисси. Шаляпин был с ним хорошо знаком – они встречались в России, в странах Западной Европы, Америке, были даже дружны. Увидев на афишах знакомую фамилию, Федор Иванович, покинув свой номер в отеле «Бристоль», поспешил встретиться со знаменитым трагиком, и они проговорили всю ночь... Ту встречу у Моисси описал один венский журнал, эту статью вовремя обнаружили журналисты «Бессарабского слова», перевели на русский язык и 3 февраля перепечатали.

Во время той встречи Шаляпин подтвердил свое намерение в ближайшие дни посетить Кишинев. «Туда меня, – говорил своему другу Федор Иванович, – очень тянет. Не потому, что Кишинев еще недавно был частью России». Была еще одна причина, по которой певец «оказывал предпочтение» Кишиневу. О ней тоже рассказывалось в той статье.

Тридцать лет назад, в самом начале своей артистической карьеры, Шаляпин уже приезжал в Кишинев. На местных театралов его тогдашнее выступление не произвело сильного впечатления, а вот самому певцу то посещение Бессарабии запомнилось на всю жизнь. «Я пережил

замечательное впечатление, своего рода откровение, там я впервые составил свое художественное восприятие». Что же произошло тогда в Кишиневе?

В одном из театров выступали приезжие певцы. Давали «Паяцев» Леонкавалло, Канио пел неплохой тенор, у которого, по словам Шаляпина, «был красивый голос и неплохая школа». Все шло хорошо до тех пор, пока Канио не запел арию «Смейся, паяц». Артист так естественно переживал трагедию героя, так естественно рыдал «над разбитой любовью», что публика в зале... вдруг стала смеяться. Артист, однако, не замечал этого. Он допел арию до конца и, весь в слезах, убежал за кулисы.

Почему смеялась публика? Потому что артист плакал настоящими слезами, его собственными слезами, забыв о слезах паяца Канио, которого призван был воплотить... «Я, – рассказывал певец в тот бухарестский вечер немецкому трагику Моисси, – ушел из кишиневского театра и стал Шаляпиным. Никогда с тех пор я не плакал, как Шаляпин, не смеялся, как Шаляпин, не угрожал, как Шаляпин, – я всегда был тем человеком, которого мне нужно было изображать».

И вот, наконец, – сообщение, покончившее с непроверенными слухами и напрасными опасениями! 24 января газета «Бессарабское слово» на первой полосе крупным шрифтом напечатала: «Вчера, в 11 часов ночи, мы получили из Бухареста от Ф. И. Шаляпина телеграмму за № 3107 следующего содержания: «Газете «Бессарабское слово». Концерт мой в Кишиневе состоится 3 февраля в театре «Одеон». Шаляпин».

Билеты, а самые дешевые стоили свыше 300 лей (рабочий тогда в Кишиневе зарабатывал в день 15–20 лей), расхватывались.

Накануне приезда артиста в Кишинев «Голос Бессарабии» опубликовал фотографию Шаляпина в роли Бориса Годунова и следующий текст под фотографией: «Приезд высоких особ – вещь известная. Наряжаются почетные караулы, охрана, официальные лица для встречи. Звучат официальные слова, и в воздухе – скука от официальных скучных мыслей. Но есть высокие особы, которых встречают без казенной помпы и нарядов, и оттого встречи бывают действительно по-настоящему помпезными. Таких особ, которые... в себе самих носят свою высоту, очень немного, и первая из них – наш дорогой и редкий, очень редкий гость Федор Иванович Шаляпин... Если «высокая особа» должна импонировать, то никто не может импонировать так, как Шаляпин, воплотивший на сцене, кажется, все царственные фигуры, которые дала нам романтическая и реалистическая поэзия».

Статья заканчивалась обращением к «виновнику торжества»: «Добро пожаловать! В нашей жизни так мало радости, и только вы можете дать нам настоящую радость, которую нельзя сравнить ни с чем, и значит, нельзя ее оценить. Радость приобщения к настоящему высокому искусству».

Газеты теперь в каждом номере что-то писали о Шаляпине; публиковались искусствоведческие статьи о нем, перепечатывали интервью и рассказы об артисте.

К сожалению, в архиве не сохранилось газет, в которых рассказывалось о том дне, когда Шаляпин прибыл в Кишинев. А вот в день спектакля корреспондент «Голоса Бессарабии» так делился с читателями о своем впечатлении от только что увиденного им Шаляпина: «Федор Иванович все тот же стройный великан с молодым лицом. Голова еще поседела, стала совсем серебряной. Есть две такие серебряные головы, у которых белая шапка волос только оттеняет молодость глаз и свежесть лица: К. С. Станиславский и Ф. И. Шаляпин – два человека, поставившие русский театр во главе театра европейского».

3 февраля «Одеон» был переполнен. По свидетельству газет, когда занавес открылся и Шаляпин увидел человек сорок, сидевших почти у его ног перед самой сценой, он с нескрываемым возмущением повел мускулами на лице и лишь после этого начал петь.

«Бессарабская почта» в шуточной форме рассказала об обстановке, царившей на концерте гениального певца.

«— Почему ломают на галерке ребра? Почему можно рискнуть задохнуться на балконе «Одеона» за 520 лей?..

– 622 лея заплатил. И то стоял на одной ноге.

– А я видел из ямы для оркестра только голову Шаляпина и заплатил 322 лея за «стоячее сидение».

– Что? Я заплатил 322 лея за то, чтобы только слышать, не видеть и уйти помятым, как после работы хорошего банщика.

– Ерунда. Я заплатил 920 лей и опоздал к началу, наткнулся на штык жандарма, который, сбив меня с ног, сказал: «Опаздывать на Шаляпина нельзя. Проваливай...»

Печатали газеты, конечно, и серьезные отчеты о концерте. Из «Бессарабского слова» от 5 февраля 1930 года: «Концерт Ф. И. Шаляпина для Кишинева – большой праздник, историческая дата в летописях художественной жизни города. Публика, переполнившая «Одеон», так это, очевидно, и понимала, ибо слушала великого артиста с благоговением, Федор Иванович пел так, как поет только Шаляпин... Талант этого изумительного артиста с годами, как доброе вино, становится только сильнее, искристее, ярче, получает какой-то новый и терпкий букет... С великой мудростью великий артист подбирает номера своей программы... Был праздник. Мы не забудем его. Не забудем потому, что нельзя забыть истинной и вечной красоты в искусстве».

Расскажу еще об одном документе, связанном с приездом Шаляпина в Кишинев в 1930 году. В общем потоке газетных статей, написанных в связи с концертом 3 февраля, это репортерское интервью, опубликованное 4 февраля в «Голосе Бессарабии», может, и прошло незамеченным, между тем оно мне представляется единственным документом, в котором чуть приоткрылся Шаляпин, дал заглянуть в себя – русского человека, уже несколько лет скитающегося вдали от Родины.

Когда репортер задал традиционный вопрос, как понравился гостю Кишинев, Шаляпин ответил:

«Я был в Кишиневе больше тридцати лет назад. Последние годы я проводил по большей части в Америке. Впечатление тихого уюта произвели на меня кишиневские домики после американских небоскребов, американского темпа жизни. Сегодня я ел настоящие щи с вареным мясом... Видел дуги на извозчичьих упряжках...»

Россия жила рядом, напоминала о себе русской речью на улицах, русскоязычными газетами...

Может, еще и поэтому – и не вполне сознавая это – Федор Иванович в начале 1930 года, «имея предложения и в другие города», «оказал предпочтение Кишиневу».

Мятежный поручик

В кабинете Терехиной держу в руках папку старых документов. На титульном листе «Дела» – слово, аккуратно написанное серой тушью: «И. И. Сухинов». Ниже буквами поменьше: «Начато... 1826 года». (!).

Я не знаю, кто такой И. И. Сухинов (хотя и мог бы знать – например, от княгини Волконской, из ее «Записок», которые я когда-то читал и где Сухинов упоминался), но Инна Иосафовна советует:

– Вы его полюбите, как и мы. Прочитайте...

Пришлось, кроме папки, прочитать еще и кое-какие книги.

Поручик Иван Иванович Сухинов служил в Черниговском пехотном полку, участвовал в войне с Наполеоном, с русской армией побывал в заграничных походах. Член Южного тайного общества декабристов. Царский суд характеризовал его сурово: «Ревностный участник преступных замыслов и всех злодейских действий Сергея Муравьева».

О восстании декабристов не буду повторять общеизвестное. Напомню только, что восстаний было два: начались они 14 декабря 1925 года на Сенатской площади в Петербурге и 29 декабря на Украине – под командованием Сергея Ивановича Муравьева-Апостола восстал тогда квартировавший под Васильковым Черниговский полк. Поход на Петербург у южан закончился через несколько дней в степи между украинскими деревнями Ковалевка и Трилеса, где они были обстреляны из пушек, рассеяны и окружены. Поручик Сухинов, шедший вместе с полком, за несколько минут до того, как кольцо окружения замкнулось, укрылся в глубоком снегу оврага.

Архивная папка, которую я держу в руках, рассказывала о том, как разыскивался поручик.

Листаю ветхие документы. То синяя, то серая казенная бумага. Нервные закорючки полковников и генералов, ровные, в завитушках, почерки чиновников помельче... Все это писалось почти двести лет назад, в те печальные для России дни, когда правительство жестоко расправлялось с «рыцарями, кованными из чистой стали» (Герцен).

Новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области, подробно проинформировав исправляющего должность Бессарабского гражданского губернатора о восстании Черниговского полка и об исчезновении поручика Сухинова, предписывает: «Покорно прошу вас, милостивый государь, принять деятельнейшие и надлежащие меры к неременной поимке сего человека». В бумаге, присланной в Кишинев Херсонским гражданским губернатором, сообщается: «Приметы Сухинова: росту два аршина около 8 вершков (примерно, 1 метр 78 сантиметров – В. К.), худощав, широкоплеч, волосы на голове и усах черные... лет около 35, говорит по-русски, малороссийски и молдавански».

Сыщики идут по хорошо им видным следам исчезнувшего из-под Трилес «ревностного участника преступных замыслов». Следы ведут в Каменку, установлены люди, которые дали поручику гражданскую одежду, лошадей, денег. Судя по некоторым признакам, после Каменки поручик повернет на юг... В архивной папке – бумаги министерства внутренних дел, переписка гражданских чиновников и военных, рапорты земских исправников из близлежащих к Кишиневу мест – из Атак, Липкан, Измаила; есть копия перехваченного на почте письма поручика брату: «Спешу тебя уведомить, что еще, слава богу, жив и здоров и докудова счастлив, но без приюта и места... Пожалуйста, друг, с первой почтой, нимало не откладывая, пожалуйста, напиши обстоятельно обо всем и пиши ко мне Кишиневской области и город Кишинев».

Кишинев был последним городом на пути Сухинова. Здесь поручик снял квартиру и несколько дней провел в мучительных раздумьях, что делать дальше. Уйти за границу? Прут, пограничная река, – в нескольких десятках километров...

Холодным февральским днем 1826 года Сухинов стоял на крутом берегу Прута. Ветер гнал по скованной льдом реке промерзший сыпучий снег, прямо в лицо бросал колючие горсти... Сухинову предстоит совершить в жизни еще один подвиг – в далеких Зерентуйских рудниках под Читой, куда он, осужденный как «преступник первого разряда», придет закованный в цепи вместе с уголовными каторжанами. Но об этом – в конце рассказа, а сейчас – о самом, может быть, ярком подвиге сердца этого незаурядного человека, подвига без свидетелей, на заснеженном холодном берегу реки в двадцати шагах от свободы.

И. И. Горбачевский – декабрист, подпоручик того же Черниговского полка и участник восстания, отбывавший царское наказание в сибирских рудниках вместе с Сухиновым, – в своих мемуарах воспроизводит рассказ Сухинова о минутах, проведенных поручиком тогда на берегу Прута: «Горестно было расставаться с Родиной, я прощался с Россией, как с родной матерью, плакал и беспрестанно бросал взоры свои назад, чтобы взглянуть еще раз на русскую землю. Когда я подошел к границе, мне было очень легко переправиться через Прут и быть вне опасности, но, увидя перед собой реку, я остановился. Товарищи, обремененные цепями и брошенные в темницы, предстали моему воображению. Какой-то внутренний голос говорил мне: ты будешь свободен, когда их жизнь пройдет среди бедствий и позора. Я чувствовал, что румянец покрыл мои щеки; лицо мое горело, я стыдился намерения спасти себя, я упрекал себя за то, что хочу быть свободным. И возвратился назад в Кишинев!.. Пробыв несколько дней в городе у прежнего своего хозяина, я снова намерился бежать. Опять на берегу Прута та же тяжесть расставания с Родиной, опять тот же упрек совести, и я опять возвратился в Кишинев».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.